

Правду оболгали вконецъ. А эта правда—и божеская, и человѣческа,
—состоить въ одномъ: поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ.

«Любовь есть единая и полная дѣятельность истинной жизни», утверждаетъ Толстой. Истинная любовь имѣетъ въ своей основѣ благоволеніе *ко всемъ людямъ*. И потому, для человѣка, понимающаго великое, нестираемое со скрижалей правды, слово «любовь», не существуетъ никакихъ «государствъ» («ни эллиновъ, ни іудеевъ»... и т. д.). потому что государства, разжигающія человѣконенавистническое чувство патріотизма, возбуждаютъ только реакцію одного народа противъ другого, вызываютъ *рознь*, а потому отсутствіе «единенія», вызываютъ *ненависть*, а потому отсутствіе «братства», вызываютъ политическое или экономическое *порабощеніе*, а потому отсутствіе «равенства», т. е. приводятъ къ противоположному полюсу, а не къ свободѣ, равенству и братству, о которыхъ мы ежедневно твердимъ.

VI.

«Что высоко у людей, то мерзость предъ Богомъ»...

Евангеліе Луки, XVI, 15.

«Думаютъ насиліемъ заставить людей жить доброй жизнью. А сами первые этимъ самымъ насиліемъ показываютъ людямъ примѣръ дурной жизни».

Л. Толстой.

Нынѣшнія войны, которыя хуже всякой реакціи давятъ міръ, являются паутиной, гдѣ заживо погребаются всѣ наши великія мечтанія. Мы сейчасъ горимъ въ поискахъ за всевозможными политическими формами жизни. Мы помнимъ всѣ автономіи, за исключеніемъ одной—автономіи здраваго, любвеобильнаго смысла, который теперь въ полномъ рабствѣ у текущаго политическаго момента.

Если бы мы освободили изъ плѣна нашъ здравый разумъ, мы бы поняли, что невозможно испечь свободу, равенство и братство на пороховомъ огнѣ. Война (повторимъ) не есть подвижничество, потому что она не знаетъ «жертвы собой», хотя къ ея «жертвамъ», къ ея одинаково дорогимъ для насъ жизнямъ, не можетъ быть иного чувства, кромѣ братскаго уваженія и одновременно негодованія по адресу тѣхъ, кто, не вѣдая, творить дѣло войны...

Современные «христіане», которые воображаютъ, что жертвуютъ собой за свободу, равенство и братство народовъ, всѣ свои силы и помыслы направили къ тому, чтобы побѣдить другъ друга, т. е. стать политически и экономически *выше*, а не наравнѣ. Многие европейскіе и американскіе любвеобильные «демократы» кричали и кричатъ о «побѣдѣ», т. е. о большемъ убійствѣ такихъ же людей, какъ и они сами, всѣ жаждутъ кровавой мести, прикрываясь «священными» мотивами націоналистическаго антагонизма, призывая цѣлый сонмъ «Боговъ», крича о вооруженномъ «закрѣпленіи» свободы и тѣмъ самымъ, конечно, разжигая страсти, возбуждая всѣ грубые человѣческіе инстинкты, съ расчетомъ, что всѣ, нынѣ «темные», простые люди въ одинъ мигъ уяснятъ себѣ, что такое ихъ «государство», эта неуклюжая смѣсь изъ пространства, времени и культуры, непонятная для нихъ, временная, случайная, измѣняющаяся не менѣе четырехъ разъ въ столѣтіе.